



В краю Тургенева и Фёта



«ОСЕННЕЕ ПРИЧАСТИЕ»

Так называется вышедший в орловском издательстве «Картуш» новый сборник члена Союза писателей России, лауреата нескольких российских литературных премий в поэзии и прозе Татьяны Грибановой

Это её тринадцатая книга и первая, в которой под одной обложкой автором собраны новые стихи и прозаические произведения.



О чём бы Татьяна Грибанова ни писала, от её текстов трудно оторваться. Читатель сразу чувствует: её строки — в стихах или прозе — рождены искренней любовью к своей земле и подкупают высокой степенью одухотворённости, исходящей из корневой системы истинной России. По мнению многочисленных знатоков и ценителей современной литературы, она по праву разделяет место среди самых ярких духовных наследников писателей, которых «Орёл вспоил на своих мелких водах». Это стало очевидным уже после дебютного поэтического сборника, вышедшего в 2007 году, а проза подняла Татьяну Грибанову в ряд первых российских литераторов её поколения. И новая книга — яркое тому подтверждение.

«Городская давно, а душа всё болит о нелёгкой судьбе хуторян-земляков» — строки этого давнего стихотворения, по сути — её жизненная и гражданская позиция. Однажды обозначив её, Грибанова не отвлекается от своих главных тем — деятельного патриотизма, питающего её интерес к прошлому страны и своей малой родине, неустанным восхищения неброской природой срединной России, чувства неизбывной вины перед предками и земляками за мерзость запустения в родном краю.

С особой силой это выражено в стихотворении «Отчина», которое завершается такой строфой:

*Чертополох снова взял
Во полон наш просёлочок.
Доля такая:
путь русский извечно
кремнист.*

*Отчина милая!
Горсть огонёчков по сёлам,
словно не брали Рейхстаг,
и не сдался фашист.*

Практически все сто стихотворений, составляющих первую часть сборника, можно объединить понятием «тихая лирика», роднящим Татьяну Грибанову с поэзией Николая Рубцова, Николая Тряпкина, Николая Поснова, Ольги Фокиной... Строки, исполненные безысходной печали

и боли, острой боли скорбящего человека, чья «отчина» с кончиной последнего её жителя исчезает безвозвратно. Теперь и в её родном Игино по вечерам не зажигается ни одно окно, не слышно лая собак, не поёт первую зарю петух... Вряд ли когда-либо эти вымершие деревни будут возрождены, но по крайней мере топоним Игино, образы и характеры его жителей довоенной поры и второй половины XX века, его многовековой патриархально-православный уклад останутся в памяти и благодаря произведениям Татьяны Грибановой.

Понятие «родина» у неё не имеет чётко очерченных

географических границ. Это и отчий дом, в котором

...слышны
по ночам моих пращуров
речи...
Всё наследство —
три карточки да полинялый
рушник.
Только нет им цены
как навеки утраченной
вещи...
А предать память сердца —
засыпать землёю родник,
и весь подлунный мир —
естественное продолжение
«отчины», где воедино связаны
земля и небо, сиюминутное
и вечное, плоть и дух. В лесу,
на лугу, у речки или на вершине
ближайшей горы поэту уютно
и покойно, потому что всему
и всем она — своя:
В мир этот Божий, умытый
первой парною грозой,
манят цветением ракуты
русской скудельной красой.
Редкую мелодичность поэзии
Грибановой отмечают
и профессиональные музыканты:
более двадцати её
стихотворений положены на
музыку и составили отдель-



Виктор Лушачёв. «Осенний пейзаж»

ный сборник, отмеченный в 2019 году литературной премией им. Алексея Фатьянова. Музыкальность стихов Татьяны Грибановой, связь с народной песней, без сомнения, привлекают и в новом сборнике, тем более что несколько стихотворений — уже готовые песни.

Грибановой не знакомы творческая немота и бестемье — сюжетов для стихов и прозы — на несколько сборников. Но если для рождения стихотворения ей иногда хватает аромата цветка, случайно услышанной фразы или даже слова, то прозу питают в основном детские и юношеские воспоминания, частые поездки на «отчину», встречи с многочисленными родичами и земляками, интерес к истории родного края. А малая родина для неё — это срез России,

в том, что оно тревожит память, пробуждает самые потаённые чувства, заставляет работать воображение, дарит незабываемые эмоции. В рассказы о современниках она искусно вплетает историю и предыдущих поколений, их быт, жизнь духа и души. А среди земляков автора немало «чудиков», возможно, наивных и простых, но в то же время житейски мудрых, бескорыстных, сострадательных, смекалистых, искусных в ремёслах. Прежде всего это близкие и дальние родственники автора, её соседи по отчому дому — всех знает, всех благодарно помнит. Поэтому так пленительно и благоуханно звучит в её произведениях русское слово, так тянут на сравнение с тургеневскими и буниевскими описаниями природы, так заманчиво

бесконечный и бездонный. Татьяна Грибановой он до былиночки святой: здесь отчий дом, здесь пращуров могилы.

Этот «срез» широко представлен и в прозаической части сборника «Осеннее причастие». Около двадцати его рассказов и повестей — плоды прежде всего «родовой памяти» автора, её глубокого знания темы и предмета описания, её сопереживания и нескрываемой любви к землякам и родным местам:

«Местность наша — до истомы духовитая, нежная, словно мамина душа. Щербатый Мишкин бугор, из-под которого неумолчно свирелькой — тирлинь-тирлинь — вызванивается на Божий свет, кажется, из самого сердца земли проворный родник...» (рассказ «До скончания дней»).

Особенность необыкновенного, самобытного образного слова Татьяны Грибановой

осиротевшей после смерти хозяйки (рассказ «Нилина изба»), так увлекательно не опишешь «норов» каменной-гольцов, служащих сельским женщинам гнётом для многочисленных солений-квашений (рассказ «Бабы камни»), так ярко и образно не передашь сочную, ядрёную речь сельской рассказчицы («Авилонья игинские») или наставления у родника родной бабушки:

«И-их, милая-а, водица-то, она — живая: всё видит, всё слышит... всё помнит, — ска-

жет бабушка, вставши в пенё, уже взобравшись на половину Мишкиной горы, оглядывая пойму, передыхая с ведёрками, полными драгоценной влаги.

— И меня запомнит? — возрадуется моё детское сердчишко.

— А-то как же, голубка, стану я оманывать! И тебя, дажить внучатков твоих признает, — божилась бабушка, — как отойду я, ты ключика-то нашеньского не чурайся, нет-нет да заходи послушать, об чём он пережуркивает... а то — водицы его сахарной испить, глядишь, приставит голову к плечам — перепадёт тебе узнать что-нибудь заветное из его несметных, вековых тайн. («До скончания дней»).

Повесть «Глухомань» — это её дочерний поклон и последнее «прости» ветеранам-фронтовикам, двум старикам, отрезанным от мира погребельной метелью, что «бешено заламывая ветки, свистит и ярится в ракетинских деревьях», бросает в лица «пригоршни drobных гвоздей», перемешивает «быль с небылью».

Литературным критикам ещё только предстоит оценить место и значение творчества Татьяны Грибановой в современной отечественной литературе, но профессиональные языковеды не ждут этих оценок, а уже несколько лет работают над уникальной лексикой и синтаксисом прозы Татьяны Грибановой. Так, на кафедре русского языка филологического института ОГУ им. И. С. Тургенева продолжается работа над многотомным словарём диалектизм, используемых героями её произведений, студенты, будущие словесники, пишут курсовые и дипломные работы об особенностях стиля её поэзии и прозы. И Грибанова не задержится с новыми темами для научных изысканий, а поклонникам своего творчества обещает новые сюжеты и характеры.

Нет, сидя в городской квартире, не придумаешь образ и характер усопшей до срока матери, десятилетия живущей только надеждой на возвращение сына с афганской войны (повесть «Серафима»), ни Алёну Тарасовну, вобравшую в себя все самые лучшие черты русской женщины-крестьянки (повесть «Так и жили»), не услышишь «плача» избы,

осиротевшей после смерти хозяйки (рассказ «Нилина изба»), так увлекательно не опишешь «норов» каменной-гольцов, служащих сельским женщинам гнётом для многочисленных солений-квашений (рассказ «Бабы камни»), так ярко и образно не передашь сочную, ядрёную речь сельской рассказчицы («Авилонья игинские») или наставления у родника родной бабушки:

«И-их, милая-а, водица-то, она — живая: всё видит, всё слышит... всё помнит, — ска-

жет бабушка, вставши в пенё, уже взобравшись на половину Мишкиной горы, оглядывая пойму, передыхая с ведёрками, полными драгоценной влаги.

— И меня запомнит? — возрадуется моё детское сердчишко.

— А-то как же, голубка, стану я оманывать! И тебя, дажить внучатков твоих признает, — божилась бабушка, — как отойду я, ты ключика-то нашеньского не чурайся, нет-нет да заходи послушать, об чём он пережуркивает... а то — водицы его сахарной испить, глядишь, приставит голову к плечам — перепадёт тебе узнать что-нибудь заветное из его несметных, вековых тайн. («До скончания дней»).

Повесть «Глухомань» — это её дочерний поклон и последнее «прости» ветеранам-фронтовикам, двум старикам, отрезанным от мира погребельной метелью, что «бешено заламывая ветки, свистит и ярится в ракетинских деревьях», бросает в лица «пригоршни drobных гвоздей», перемешивает «быль с небылью».

Литературным критикам ещё только предстоит оценить место и значение творчества Татьяны Грибановой в современной отечественной литературе, но профессиональные языковеды не ждут этих оценок, а уже несколько лет работают над уникальной лексикой и синтаксисом прозы Татьяны Грибановой. Так, на кафедре русского языка филологического института ОГУ им. И. С. Тургенева продолжается работа над многотомным словарём диалектизм, используемых героями её произведений, студенты, будущие словесники, пишут курсовые и дипломные работы об особенностях стиля её поэзии и прозы. И Грибанова не задержится с новыми темами для научных изысканий, а поклонникам своего творчества обещает новые сюжеты и характеры.

осиротевшей после смерти хозяйки (рассказ «Нилина изба»), так увлекательно не опишешь «норов» каменной-гольцов, служащих сельским женщинам гнётом для многочисленных солений-квашений (рассказ «Бабы камни»), так ярко и образно не передашь сочную, ядрёную речь сельской рассказчицы («Авилонья игинские») или наставления у родника родной бабушки:

«И-их, милая-а, водица-то, она — живая: всё видит, всё слышит... всё помнит, — ска-

жет бабушка, вставши в пенё, уже взобравшись на половину Мишкиной горы, оглядывая пойму, передыхая с ведёрками, полными драгоценной влаги.

— И меня запомнит? — возрадуется моё детское сердчишко.

— А-то как же, голубка, стану я оманывать! И тебя, дажить внучатков твоих признает, — божилась бабушка, — как отойду я, ты ключика-то нашеньского не чурайся, нет-нет да заходи послушать, об чём он пережуркивает... а то — водицы его сахарной испить, глядишь, приставит голову к плечам — перепадёт тебе узнать что-нибудь заветное из его несметных, вековых тайн. («До скончания дней»).

Повесть «Глухомань» — это её дочерний поклон и последнее «прости» ветеранам-фронтовикам, двум старикам, отрезанным от мира погребельной метелью, что «бешено заламывая ветки, свистит и ярится в ракетинских деревьях», бросает в лица «пригоршни drobных гвоздей», перемешивает «быль с небылью».

Литературным критикам ещё только предстоит оценить место и значение творчества Татьяны Грибановой в современной отечественной литературе, но профессиональные языковеды не ждут этих оценок, а уже несколько лет работают над уникальной лексикой и синтаксисом прозы Татьяны Грибановой. Так, на кафедре русского языка филологического института ОГУ им. И. С. Тургенева продолжается работа над многотомным словарём диалектизм, используемых героями её произведений, студенты, будущие словесники, пишут курсовые и дипломные работы об особенностях стиля её поэзии и прозы. И Грибанова не задержится с новыми темами для научных изысканий, а поклонникам своего творчества обещает новые сюжеты и характеры.

Литературным критикам ещё только предстоит оценить место и значение творчества Татьяны Грибановой в современной отечественной литературе, но профессиональные языковеды не ждут этих оценок, а уже несколько лет работают над уникальной лексикой и синтаксисом прозы Татьяны Грибановой. Так, на кафедре русского языка филологического института ОГУ им. И. С. Тургенева продолжается работа над многотомным словарём диалектизм, используемых героями её произведений, студенты, будущие словесники, пишут курсовые и дипломные работы об особенностях стиля её поэзии и прозы. И Грибанова не задержится с новыми темами для научных изысканий, а поклонникам своего творчества обещает новые сюжеты и характеры.

Валентина
НОВОШИНСКАЯ

